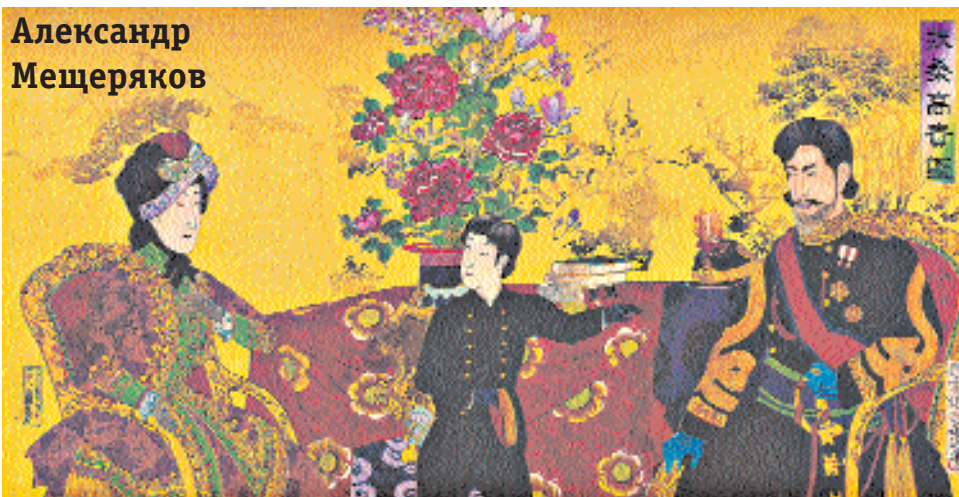

**Александр
Мещеряков**

Мэйдзи на пути к моногамии

Тоёхара Тиканобу. Император Мэйдзи, его супруга Харуко и их сын, наследный принц Ёсихито. 1887.

Япония известна ныне многими своими экономическими, техническими и культурными достижениями. К последним принадлежат, в частности, и литературные шедевры эпохи Хэйан – как прозаические, так и поэтические. Парадокс состоит в том, что в самой Японии они далеко не всегда считались таковыми. Наоборот, большую часть японской истории официальная культура находила их вредными для общественной морали. Строгое конфуцианство насаждало культ семьи, а свободная любовь, о которой столько говорится в хэйанской литературе, противоречила этому культу. Буддизм также рассматривал любовь как проявление неконтролируемой страсти, препятствующей просветлению.

Подсчёты показывают, что с течением времени (от эпохи Хэйан до эпохи Мэйдзи) количество любовных стихов в поэтических антологиях имеет тенденцию к уменьшению. Другое дело, что стандарты японской морали оставались «двойными». Правительство запрещало нескромные картинки и фривольные рассказы, но на самом деле купить их было легко. Японская элита со времён древности не была склонна к моногамии. Гаремами обладали и император, и военный правитель (сёгун), и князья. Люди попроще находили отдохновение в «весёлых кварталах», которые существовали в любом крупном городе. При этом их обитательницы зачастую становились постоянными партнёрами клиента, их связывали определённые права и обязанности. Такие отношения также можно трактовать как разновидность полигамии.

Но вот настали другие времена. При императоре Мэйдзи (1852–1912, прав. 1868–1912) Япония претерпела огромные изменения. В течение двух с половиной веков она не имела почти никаких контактов с внешним миром. Однако в середине XIX в. под напором европейских держав, требовавших открыть порты для международной торговли, Японии всё-таки пришлось пойти на такой шаг. Япония не хотела открываться

Александр Николаевич Мещеряков – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных культур и античности РГГУ.

миру, но ей пришлось сделать это: она не могла противостоять Западу в военном отношении.

Японцы всегда отличались гордым нравом, и условия заключённых с европейскими державами и Америкой торговых договоров казались им унижительными. Чтобы сравняться с мировыми державами и преодолеть комплекс униженности, они приступили к модернизации. Модернизации подлежало всё: индустрия, обычаи, внешний вид, нравы. Японцы хотели сделать страну похожей на Европу. За время правления Мэйдзи они построили мощную державу с сильной армией, которая сумела одержать победы в войнах с Китаем (1894–1895) и Россией (1904–1905).

Японцы того времени оказались чрезвычайно чувствительны к критике европейцев. Поэтому правительство запрещало всё, что осуждали европейцы и что раньше казалось японцам абсолютно естественным: совместное купание в банях, отправление естественных надобностей на улицах, обыкновение ходить в жару полуголыми. Доходило до настоящего абсурда: власти Токио предписывали банщикам понизить температуру воды только на том основании, что европейцы привыкли купаться в более прохладной воде. Кое-где запрещали и дневной сон как не соответствующий потребностям бурного века. И всё это делалось только для того, чтобы европейцы перестали считать японцев «нецивилизованными».

Особенное негодование европейцев вызывали «непристойные» отношения между японскими мужчинами и женщинами. Действительно, конфуцианская мораль обязывала детей заботиться о родителях, родители прилежно пестовали своих чад, но брачные нравы в Японии времени Мэйдзи не отличались строгостью. Из трёх браков один заканчивался разводом. А в Токио дела обстояли ещё хуже. В то время в Японии ещё не существовало обязательной регистрации браков и разводов (она была введена только в 1898 г.), так что приведённая цифра весьма приближительна. Но совершенно очевидно, что японская семья была весьма далека от идеала моногамии: люди сходились и расходились, наличие любовницы или же содержанки из дома терпимости не считалось чем-то предосудительным. Христианские проповедники яростно обрушивались на «языческие» нравы, а их лучшими союзниками в деле «улучшения» нравов оказались японские консерваторы и ортодоксальные конфуцианцы. Правда, они повернули проблему другой стороной и стали заявлять, что именно вестернизация разрушает мораль.

В 1883 г. в Токио был построен дом правительственных приёмов Рокумэйкан. Там готовили европейские блюда, играли в бильярд, исполняли западную музыку. Японская политическая элита желала походить на европейскую и охотно кружилась в вальсах. Но консервативные газеты находили танцы занятием

Картина Оно-но Комати свидетельствует, что японские нравы не отличались строгостью.

предосудительным: «Прекрасная женщина склоняет голову на плечо мужчины и поворачивает своё чудесное лицо к его уху. Её обнажённая рука обвивает мужскую шею, а её выпуклая грудь, вздымаясь и опускаясь, касается груди мужчины. Её ноги обвивают ноги мужчины, словно лиана сосну. Сильная правая рука мужчины плотно охватывает спину женщины; с каждым движением он прижимает её всё ближе к своему телу. Сияние, льющееся из прекрасных глаз женщины, изливается на мужчину, но сама она настолько ослеплена, что не видит ничего вокруг. Музыка подстёгивает её, но звуков она не слышит. Вместо этого ей чудится шум далёкого водопада, она движется, словно во сне, она прижимается к мужчине. Когда женщина находится в таком состоянии, как можно говорить о врождённой скромности добродетельной девицы?».

Осуждение чрезмерной чувственности, понимаемой как «разврат», достаточно часто встречается и в других культурах. Однако японцы пошли дальше всех: осуждению подвергались не только «развратные» танцы, но и любовные чувства как таковые. Журнал «Мир женщины» ус-

тами одного из авторов поучал: «Любовь и отчаяние с лёгкостью сопутствуют друг другу, а отчаяние происходит от ослабления психики. Люди чувствительные – безвольны, из-за этого они подвержены эмоциям, они без всяких на то оснований утверждают, что любовь – свята, с жаром говорят про звёзды и фиалки. Я же полагаю, что взаимная привязанность супругов не может именоваться «любовью», «любовь» – это то, что происходит между мужчиной и женщиной вне брака, она не имеет никакого отношения к «святости», но есть разновидность психического расстройства... А потому, если у нашей читательницы случится приступ любви, то следует пользоваться себя холодными обливаниями и массажем, больше бывать на воздухе и заниматься физическими упражнениями. И тогда ваши чувства естественным образом успокоятся».

В данном пассаже речь идёт о любовных отношениях «европейского» типа. Ведь ни звёзды, ни фиалки не являются атрибутом «любви по-японски». Физические упражнения и обливания также следует отнести к западному арсеналу средств приведения организма в «здоровое» со-

Тоёхара Кунитика. Император Мэйдзи и его наложницы любят цветы.

стояние. Однако ревнители морали были последовательны: они выступали и против «развратности» классической японской литературы. Той литературы, которую теперь считают проявлением японского национального гения.

В 1883 г. влиятельный конфуцианец и моралист Нисимура Сигэки (1828–1902) издал «Вновь избранное собрание ста стихов ста поэтов». Нисимура решил подправить прославленного стихотворца Фудзивара Тэйка (1162–1241), собравшего антологию танка «Сто стихов ста поэтов» («Хякунин иссю») – ведь в ней, как и в других поэтических сборниках того времени, множество стихов было посвящено любви. «Хякунин иссю» традиционно пользовалась в Японии огромной популярностью, стихи из антологии заучивали наизусть, они использовались в самой распространённой среди горожан игре в поэтические карты. Однако это не помешало Нисимура Сигэки выбросить из антологии два десятка «неприличных» стихов и заменить их другими, не имевшими отношения к любви.

Например, в «Хякунин иссю» содержалось стихотворение Аривару-но Юкихира (818–893):

// весна 2006 //

Растаёмся...

Уезжаю в Инаба.

Но лишь сосны

Прошепчут: «Соскучилась!»,

Так тотчас вернусь.

Вместо этого казалось бы вполне «невинного» стихотворения Нисимура Сигэки поместил стихотворение Фудзивара-но Тосиюки (?–901), рисующее наступление осени:

Глаз

Не видит пока

Осени цвет,

Но слышно уже

Дуновенье прохлады.

Примеру Нисимура последовали и другие ревнители морали. Они не стеснялись исключать из антологии даже стихи императоров, хотя в классической японской поэзии физиологическая сторона любви вообще не затрагивается. Речь шла не только о недопустимости описания плотских проявлений – искоренению подлежала и психологическая составляющая любовного чувства.

В деле создания крепкой моногамной семьи интересы христианских проповедников и японского государства в лице конфуцианцев полностью совпадали. Государство – это единая семья, утверждали официальные идеологи. И в отношении к государству подданным следует руководствоваться идеалом вечной верности. Государство должно быть «моногамным». Государство – это большая семья. А семья должна быть крепкой, члены семьи обязаны быть верны друг другу до гроба. Именно этому учили и в школе. Учителя повторяли слова из учебника: все семьи Японии – это ответвления семьи императора, для всех подданных император является отцом, а императрица Харуко – матерью.

В своих указах император Мэйдзи нередко именовал своих подданных «младенцами». Архитекторы японской нации и патерналистского государства во главе с императором использовали любую возможность для того, чтобы ещё и ещё раз применить метафору единения. На сей раз единения семейного. Именно семья, миллионы японских семей исправно поставляли государству работников и солдат. Трудолюбивые подданные Мэйдзи производили материальных ценностей больше, чем раньше, но, в отличие от сегодняшнего времени, свой доход они использовали не только для наращивания

Газетное сообщение о бракосочетании принца Ёсихито и Кудзё Садако.

собственного потребления – они тратили его и на прокорм детей, которых нарождалось всё больше. За время правления Мэйдзи население Японии увеличилось с 35 до 50 миллионов человек.

Главная супружеская пара Японии должна была стать для своих подданных образцом по части нравов и обычаев. Уже в первые годы своего правления Мэйдзи сменил традиционную одежду на военный мундир европейского образца, стал заниматься верховой ездой, употреблял в пищу мясо. Подданные последовали за ним: государственные служащие являлись в присутствии в европейском костюме, начали заниматься физкультурой и спортом, включили в рацион мясо. В середине правления Мэйдзи пришло время продемонстрировать нерушимость брачных уз.

Пропагандировать моногамный брак было не так просто: ведь брак Мэйдзи как и всех его предшественников, был полигамным. Гарем гарантировал продолжение рода, обладание многими женщинами традиционно служило показателем престижа. В первые годы правления Мэйдзи не стеснялся появляться на людях в окружении наложниц, и никто из японцев не находил это странным. Однако европейцы возмущались и обвиняли императора в следовании «варварским» обычаям. А потому через десятилетие после восхождения на трон наличие у императора гарема перестало афишироваться.

И вот настал 1894 г., когда окружение Мэйдзи и он сам решили: император должен подать подданным пример моногамии и отпраздновать серебряную свадьбу.

Подготовка к серебряной свадьбе августейшей четы велась масштабная. 9 марта 1894 г. объявили выходным, людям настоятельно рекомендовалось вывесить перед своими домами национальные флаги. К юбилею выпустили 15 миллионов почтовых марок, которые оказались первыми юбилейными марками в японской истории. На марках изображены шестнадцатилепестковая хризантема (герб императорского дома) и пара журавлей, символизирующая долгую и счастливую жизнь супругов. Портреты супругов не были представлены: ведь люди брали марки руками, а императорская чета считалась «неприкасаемой». По этой же причине изображение императора не могло быть помещено на денежные знаки.

Утром 9 марта Мэйдзи и Харуко помолились синтоистским божествам во дворце, в полдень их поздравили сановники и иностранные дипломаты, затем супружеская чета отправилась на плац Аояма, где Мэйдзи сделал смотр войскам. Вечером состоялся грандиозный банкет.

Императорский кортеж приветствовали на улицах Токио многолюдные толпы. Зрители размахивали национальными флажками и кричали «банзай!». На дворцовой площади выстроились освобождённые от занятий ученики и студенты,

представители других организаций и институтов, просто подданные, приехавшие в столицу со всех концов страны. К тому времени общая протяжённость линий железной дороги в Японии составляла уже около двенадцати с половиной тысяч километров. Наплыв иногородних был столь велик, что железнодорожной компании Japan Railway пришлось перевозить пассажиров в товарных вагонах.

На вечернем банкете Мэйдзи появился в привычной военной форме, Харуко – в короне и белом платье с длинным шлейфом, на платье были вышиты серебряной нитью цветы и птицы. По совету церемониймейстеров, бравших пример с европейских дворов, в банкетный зал они вошли под руку, что для японцев того времени было абсолютно непривычно. И действительно – опыт оказался первым и последним в их жизни, поскольку любой тактильный контакт между мужчиной и женщиной рассматривался японской культурой как проявление сексуальности.

Тот, кто не имел возможности приветствовать супругов лично, мог прочесть в газетах детальный отчёт о том, как происходили грандиозные празднества. Совокупный дневной тираж газет составлял тогда около 300 тыс. экземпляров. Публикации создавали эффект присутствия, они формировали представление о единой для всех японцев современной истории. Огромными тиражами расходились и гравюры, запечатлевшие в цвете знаменательное событие. Выпускались сувениры, производились посадки сосновых роц (символ долголетия и стойкости). В школах устраивалась церемония поклонения портретам Мэйдзи и Харуко.

Принц Хирохито.

Создавая новые праздники, государство далеко не всегда могло отменить устоявшиеся формы «народного» поведения. Жители одного города в префектуре Сага изготовили колесницу, на которой установили гигантскую редьку – фаллический символ. Дело в том, что серебряную свадьбу зачастую именовали *дайкон* («великая свадьба») – словом омонимичным «редьке».

Торжества закончились, но члены императорской фамилии продолжали подавать сигналы по части моногамии. В особенности это относится к единственному сыну Мэйдзи – принцу Ёсихито (будущий император Тайсё, 1912–1925). Он был сыном наложницы, ведь официальная

Церемония бракосочетания принца Ёсихито.

супруга императора Харуко оказалась бесплодной. Помолвка Ёсихито с представительницей древней аристократической фамилии Кудзё Садако состоялась 11 февраля 1900 г. День был выбран не случайно – именно в этот день 2560 лет назад мифический первоимператор Дзимму якобы взошёл на трон и «основал» японское государство. Ёсихито было уже двадцать лет, в то время как его отец вступил в брак в семнадцать. Ёсихито следовал веяниям времени: брачный возраст повышался по всей стране. Японские юноши отправлялись теперь служить в армию, учились в колледжах и университетах. Ранние браки уходили в прошлое.

Памятуя о бесплодии Харуко, при выборе невесты престолонаследника особое внимание обратили на её здоровье. Права на ошибку не могло быть: в отличие от августейших предшественников, Ёсихито не обзавёлся гаремом. До свадьбы ему было запрещено вступать в интимные отношения с женщинами, что тоже являлось большим новшеством. Газета «Тюо симбун» писала, что предстоящая свадьба наследного принца «пред-

ставляет собой образец для нации – образец отношений между мужчиной и женщиной. Говоря откровенно, она упраздняет старый и вредоносный обычай полигамии. Императорская фамилия просвещает общество – она первая принимает моногамию в качестве главного принципа».

Вряд ли, конечно, можно считать ещё не состоявшийся брак образцом для подражания. Также вряд ли, что брак Ёсихито стал первым в стране моногамным браком. Однако принц Ёсихито являлся престолонаследником, потому его роль в распространении «правильных» обычаев была особенно велика.

День свадьбы выбирали традиционным способом – с помощью гадания. Утром 10 мая 1900 г. перед началом публичных церемоний Ёсихито и Садако, облачённые в традиционные одежды, молились в императорском дворце синтоистским божествам, показав нации ещё один пример: брак должен быть освящён религией. И не беда, что в Японии заключение брака никогда не являлось религиозной церемонией. Идея церковного брака была подсказана христианством, но в Японии население призывали обращаться к синтоистским жрецам *каннуси*. Именно с тех пор стало получать распространение бракосочетание в синтоистском святилище. Божества были древними, а сам обычай новым.

Получив санкцию божеств, молодожёны переоделись в европейское платье и покинули императорский дворец. На площади их встречала огромная толпа. В течение двадцати минут экипаж не мог начать движение к дворцу наследного принца, где ему должны были принести поздравления сановники. Уже вдогонку Мэйдзи послал сыну Орден Хризантемы. Собственно говоря, это был не орден – Ёсихито ещё не успел ничего совершить, а значок, свидетельствовавший, что Ёсихито прошёл очередной этап жизненного цикла. В четыре часа пополудни состоялся праздничный банкет. Для участия

Мэйдзи и Харуко. Из «Иллюстрированной недели» (Санкт-Петербург). 1875.

в нём молодожёнам снова пришлось вернуться во дворец Мэйдзи. На банкет прибыло больше двух тысяч человек.

Конечно, молодожёнов завалили подарками. Среди них оказался и первый в Японии автомобиль, присланный из Америки. При испытаниях из-за оплошности водителя он свалился в канаву, и министерство двора, сочтя новое транспортное средство опасным, повелело упрятать автомобиль на склад.

После свадьбы молодожёны отправились в свадебное путешествие – ещё одна дань европейским обычаям. Они посетили святилище императорского рода Исэ, могилы императоров Дзимму и Комэй (отца Мэйдзи). В программу входили также больница киотского университета и школы. Инспекция школ выглядит особенно парадоксально: ведь сам Ёсихито не отличался успехами в науках, он даже не успел закончить полный курс японской истории, а в следующем году ему поставят «неудовлетворительно» по теме, связанной с гражданской войной 1868 г., когда были уничтожены сторонники последнего сёгуна Токугава Ёсинобу. Тем не менее, женившись, наследный принц стал фигурой публичной и принял на себя часть церемониальных обязанностей отца. В связи со свадьбой в газетах появился и рисованный портрет молодожёнов – принца «представили» стране, японцы наконец-то увидели своего будущего монарха. Ёсихито был облачён в военную форму, лицо его выглядело вполне европейским, поскольку в те годы японцы ещё не преодолели телесно-расовый комплекс неполноценности.

29 апреля 1901 г. у принца Ёсихито родился первенец. Один за другим в его дворец приезжали сановники, чтобы принести поздравления. Сам Ёсихито находился в загородной резиденции в приморском городке Хаяма, где он по настоянию врачей обычно проводил зиму. В первый раз он увидел своего сына 3 мая. Через

Императорская семья. Фрагмент ксилографии Сёгэцу «Правящий класс Японии». 1891.

два дня Мэйдзи дал ему имя Хирохито. То был будущий император Сёва.

Хотя брак наследного принца позиционировался как новое слово в истории японской семьи, с Хирохито поступили согласно старым обычаям. В соответствии с пожеланиями Мэйдзи его отдали на воспитание «дядьке» – адмиралу Кавамура Сумиёси. В императорской фамилии мало заботились о «тёплых» внутрисемейных отношениях. Действующего императора заботило прежде всего, чтобы его внук смог в дальнейшем адекватно исполнять свои обязанности. А это намного важнее, чем «естественные» человеческие привязанности. Именно так поступал в своё время Мэйдзи по отношению к Ёсихито. Он регулярно в письменной форме осведомлялся о его здоровье, но посещение занемогшего сына совершенно не соответствовало придворному этикету.

Однако новая жизнь брала своё. Возмущённому прежними «бесчеловечными» обычаями японского двора немецкому

доктору Э.Бёльцу (он состоял в штате министерства двора) всё-таки удалось уговорить министерство, чтобы дети Ёсихито поселились в соседнем с родительским дворце. Однако это никак не сказалось на их общении с дедом. Они виделись с Мэйдзи три раза в год – в день его рождения, а также в дни весеннего и осеннего равноденствия. При этом, как вспоминал один из сыновей Ёсихито, принц Титибу, дед никогда не удостоивал своих внуков беседы.

В государственных учреждениях и школах находились портреты Мэйдзи и Харуко. Их предьявляли для поклонения в дни общенациональных праздников. Но портреты императорской четы с детьми (их матерями были наложницы, хотя «настоящей» матерью считалась Харуко) газеты не публиковали никогда. Теперь же газеты стали печатать фотографии Ёсихито не только с супругой, но и с тремя малолетними детьми.

Можно подумать, что это означало реализацию европейского «сценария семейной любви», однако японский вариант оказался несколько другим. Европейские монархи появлялись на фотографиях в окружении жены и детей, они держали детей на руках, демонстрировали взаимную близость, прикасаясь друг к другу. В японских газетах портрет каждого члена семьи Ёсихито помещался в отдельном картуше, более мелкие изображения детей располагались ниже портретов родителей. Таким образом, степень близости и «слияния» членов образцовой японской семьи оказалась существенно меньше, чем на Западе. В японских внутрисемейных отношениях главное внимание уделялось не безоглядной любви, а выстраиванию иерархии. Дистанция между главой семьи и её

членами оставалась слишком большой, чтобы отважиться на «тактильный контакт» между ними. Семья Ёсихито служила образцом того, как должны быть построены отношения в обществе и государстве. Поэтому и семейные фото простых людей не получили распространения в Японии того времени.

Однако европейцам было трудно смириться с тем, что японский император «разлучён» с императрицей. Поэтому и российская печать время от времени «соединяла» их. Художники делали одно общее изображение супругов, на что сами японцы решиться никогда не могли.

Позиционирование семей Мэйдзи и Ёсихито в качестве моногамных, настойчивая разъяснительная работа в школе и в печати приносили свои плоды. Несмотря на многовековые традиции, настроения в обществе постепенно менялись в пользу моногамии. Когда в 1901 г. в Японии начали свою проповедь мормоны, женские организации возмутились и подали прошение о запрещении их деятельности. Первой причиной запрета выставлялось то, что мормоны пропагандируют многожёнство. Мэйдзи тоже оставался многожёнцем, но не пропагандировал это. Отпразднованную с таким размахом серебряную годовщину его свадьбы помнили все.

Японская семья крепла, число разводов стремительно сокращалось. И хотя в наши дни заметна обратная тенденция, Япония до сих пор по этому показателю остаётся далеко позади Запада, научившего её, что брак заключается один раз и на всю жизнь.

Иллюстрации предоставлены автором.

Нобукадзу Ёсай. Церемония бракосочетания принца Ёсихито в синтоистском святилище.

